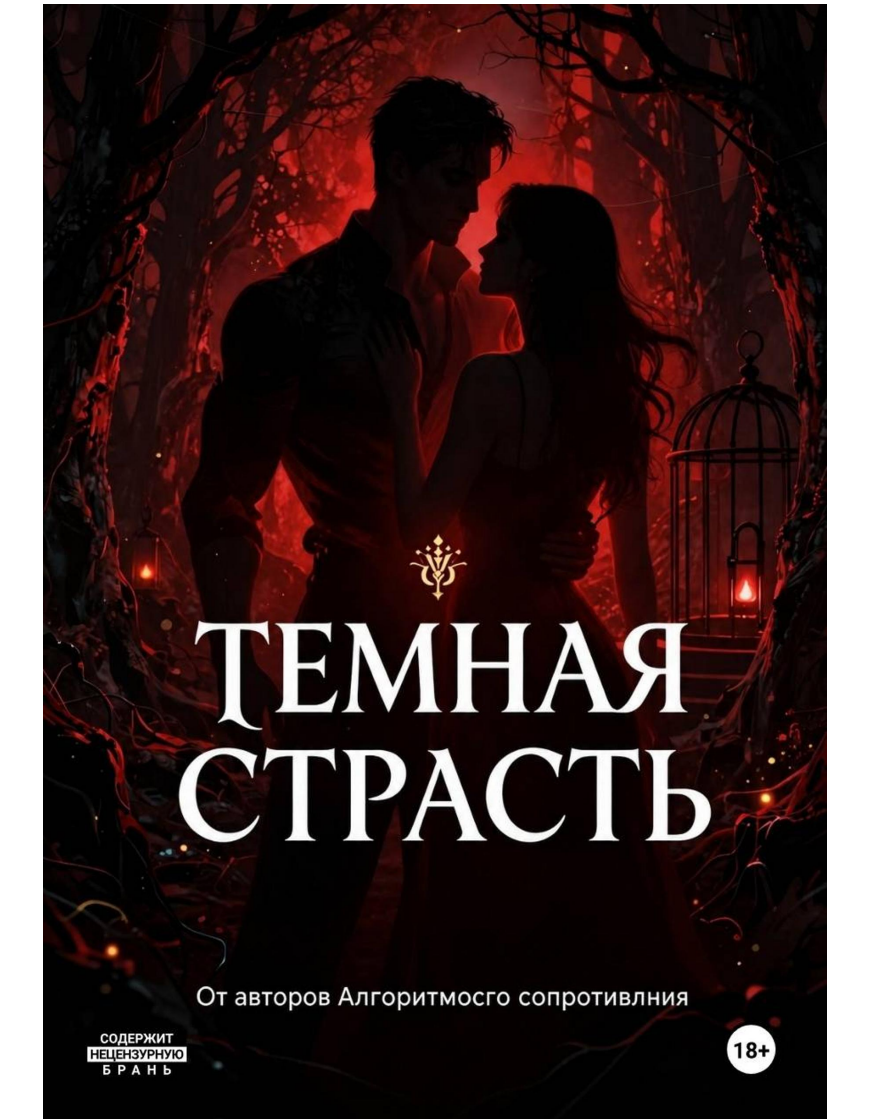

ТЕМНАЯ СТРАСТЬ

От авторов Алгоритмского сопротивления

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анна Руднина

Темная страсть

<https://litres.ru/74530252>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эти рассказы не о романтике и нежности, они о темной страсти, которая бывает пугающей и сладкой одновременно. Семь историй о любви, которая не просит разрешения. Она берёт — силой, властью, одержимостью.

Герои этого сборника — хозяева, похитители, охотники. Их страсть рождается в страхе и боли, а героини, вопреки себе, тянутся к тому, что их уничтожает.

Это истории не о спасении. Это истории о том, как темнота затягивает — и как сладко в ней тонуть.

Содержание

Алис Март «Чужое небо»	4
Анна Кениг «Маша»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Руднина

Темная страсть

Алис Март «Чужое небо»

Я сижу на низком бархатном диване, и считаю трещины на противоположной стене. Двенадцать. Тринадцать, если считать ту, что уходит в потолок. Это полезное занятие. Оно не даёт мне смотреть на них.

Их две.

Они сидят напротив, как две хищные птицы на насесте. Одна постарше, с резкими чертами лица, смуглая кожа. Она смотрит на меня в упор и не моргает. Я не знаю её имени и не знаю, как спросить.

Вторая моложе. Лет двадцать пять. Пухлые губы, взгляд исподлобья, длинные чёрные волосы, которые она поправляет, одёргивает рукав, касается подвески на шее. Нервная.

Я не понимаю их речи. Они перебрасываются короткими, резкими фразами. Иногда смеются. Смех мне не нравится больше, чем молчание.

Я сижу и вспоминаю. Но не потому что хочу, а потому что больше нечем занять мозг.

Багажник. Ковёр. Пыль в ноздрях, ворс на языке, вибрация мотора под рёбрами. Меня перевозили. Не знаю, сколько

дней. Кормили. Поили. Держали в каких-то тёмных комнатах без окон. Пространство было резиновым: то сжималось до размеров коробки, то растягивалось в бесконечный коридор. Коридор из чужих рук, голосов, чужих глаз, которые осматривали меня, как товар, перед тем как передать дальше. А потом самолёт. Или вертолёт? Я не помню. Помню только тряску. И темноту. Всегда темноту.

Очнулась я уже здесь. В этом доме. Под этим небом. Белёсым, выжженным, чужим. Где-то рядом гортанно нараспев молились. Я проверила себя. Синяки на запястьях. Точечный след от уколов на сгибе локтя. Рёбра целы. Между ног сухо. Никакой боли там. Это хорошо. Это пока хорошо.

Пришла женщина. Принесла одежду. Показала жестом: мойся. Я мылась долго. Смывала дорожную грязь, пот, чужие прикосновения. Одежда оказалась непривычной. Лёгкая ткань, длинные рукава, закрытые ноги. Скромно и душевно. Я надела её и вышла в спальню.

Он ждал меня там.

Я не знала, кто он. Высокий, широкоплечий мужчина. Черные волосы, черные глаза. Тонкий шрам через всю шею. Видимо кто-то пытался перерезать ему горло. Не смог.

— Роза, — не спросил, а утвердил он.

Спокойно. Без акцента. Только согласные чуть твёрже, чем нужно, выдавали, что русский для него не родной. Он знал моё имя. Знал, кто я и от куда.

— Меня зовут Захид. Ты в моём доме. Тебе здесь ничего

не угрожает, если ты не создаёшь угрозы.

Ложь. Я слышала ложь в этом спокойном голосе. Мне угрожало всё. И в первую очередь он сам.

— Скоро ты станцуешь для меня, — продолжил он. И ушёл.

Воспоминание обрывается. Молодая жена что-то говорит, глядя прямо на меня. Я не понимаю слов, но тон узнаю безошибочно. Презрение. Старшая ее перебивает приказным тоном. Повисает тишина. Я медленно перевожу взгляд на стену. Трещина номер четырнадцать. Я пропустила её раньше.

Две жены. Я поняла это не сразу. Только на третий день. А я — новая игрушка. Но знаю, что такое быть вещью. В детдоме я была вещью. Меня брали в семьи, чтобы поиграть, а потом возвращали, как надоевшую куклу. Я не плакала. Я привыкла. Здесь то же самое. Те же глаза. То же равнодушие. Только язык другой и потолки выше.

Старшая жена принесла чай. Я не просила. Я вообще не пила чай уже несколько дней. Но она поставила передо мной чашку и показала жестом: пей.

Я смотрела на чай. Он пах странно. Горько и сладко одновременно. Как цветы, которые пахнут так сильно, что тошнит. Она стояла напротив и не уходила. Ждала.

Я поднесла чашку к губам. Обожгла верхнюю губу, сделав маленький глоток. Горечь. И еще что-то. Металл. Я почувствовала его сразу. Такой же вкус, как тогда, в багажнике,

когда я проснулась и поняла, что жизнь кончилась.

Я хотела засунуть пальцы в горло и вырвать из себя эту горечь. Но я не могла пошевелиться. Ноги стали ватными. Руки дрожали. Чашка выпала из пальцев, чай разлился, оставив темное пятно.

А потом дверь открылась. Вошел Захид. Посмотрел на меня. На мои трясущиеся руки. На мое лицо. Потом на пятно на ковре. Принюхался к запаху, который заполнил комнату.

Он подошел к старшей жене. Она отшатнулась. Он протянул руку к чашке, поднял ее, понюхал. Я видела его лицо. Оно не изменилось. Ни одна мышца не дрогнула.

Захид повернулся к старшей жене. Протянул ей чашку. Она не взяла. Он все еще держал ее на вытянутой руке, и она не брала. Тогда он шагнул вперед. Опасно, не спеша. Жена отступила к стене. Он подошел вплотную. Сильно дернул ее за плечо, что она упала на колени. Чашка выскользнула из его руки и разбилась. Осколки разлетелись по полу.

— Бей. — обратился ко мне Захид.

Я смотрела на него расширенными глазами, покачала головой. Слабо. Я не могла. Я не могла даже встать, не то что бить.

— Я сказал бей!

Я снова покачала головой. И тогда его лицо изменилось. Не резко, а как закипает вода. Что-то закрылось в его глазах. Что-то открылось.

Он схватил старшую жену за волосы. Она тонко вскрик-

нула. Захид ударил ее кулаком в лицо.

В ушах стоит её крик, я не видела лица старшей. Только кровь. Много крови. Она растекалась по ковру, смешиваясь с осколками чашки. Тёмное пятно становилось всё больше. Моя голова кружится. Яд? Или страх? Не знаю. Я не чувствую своего тела.

Захид стоял над своей женой. Он бил её лицом об пол, и его кулаки становились мокрыми, красными, скользкими. С каждым ударом он дышал всё чаще. С каждым ударом его глаза становились темнее. Я видела, как он приходит в ярость. Неотвратимо. Как волна, которая накрывает берег. Он перестал быть человеком.

Он бил её, и я не могла отвести взгляд. Меня тошнило. Горло сжималось. Я чувствовала этот противный металлический запах.

Она кричала. Сначала громко. Потом перестала. Только хрипела и всхлипывала. Я слышала, как трещат её кости.

Захид резко остановился. Выпрямился.

Я сидела, вжавшись в диван, не дыша, не моргая. Захид шагнул ко мне, схватил за руку. Сильно, что я почувствовала боль. Он потащил меня за собой, мимо второй жены, которая плакала, зажимая рот. Я не сопротивлялась. Я не могла.

Мы вошли в другую комнату. Спальня. Большая кровать. Тёмные шторы. Он остановился и притянул меня к себе. Крепко. Я чувствовала его жесткое, горячее тело.

Он провёл большим пальцем по моей скуле. Кровь уже

начала подсыхать, липнуть к коже, стягивать её. Я ощущала, как красная корка трескается под его пальцем, как он размазывает её по моей коже, оставляя тёплые, мокрые следы.

Большой палец скользнул к моим губам. Я сжала их. Он провёл по ним, надавил. Мои глаза смотрели в его глаза, я видела в них отражение себя. Своё лицо, испачканное чужой кровью. Чужой болью.

Он приблизился, выдохнул мне в губы. Я ждала удара, но нет. Он коснулся моих губ своими. Мягко слизал кровь с моей нижней губы, как будто пробовал что-то сладкое. Пальцы скользнули по моей щеке, вниз, к шее, к ключицам. Он касался меня так, словно я была из стекла.

— Ох, Роза, Роза, — прошептал Захид нежным тоном. — Нужно было бить. Всегда нужно бить, когда тебе угрожают.

Он провёл пальцами по моей шее, вверх, к подбородку, приподнял его, заставляя смотреть в глаза.

— Всех, кроме меня.

Воздух встал комом в груди. Мурашки бежали по спине, по рукам и ногам. Каждая моя клетка вопила от ужаса.

Захид взял мои руки, поднёс их к своему лицу. Провёл моей ладонью по своей щеке. Я чувствовала его щетину. Колочую. Теплую кровь на моей коже. Захид закрыл глаза на мгновение. Почти блаженно.

— Я влюблён в тебя, Роза, — сказал он. — Ещё с первого раза, как увидел тебя на улице в России.

Я слышала своё сердце. Оно стучало в ушах, в висках.

Громко. Мерно. Я слышала её крик. Он всё ещё стоял у меня в голове.

— Я заказал тебя, — продолжил он. — Я знал, что ты будешь моей.

Я сглатывала, сглатывала, сглатывала, чтобы не вырвать. И не могла. Потому что он держал мою руку и смотрел на меня. В его глазах не было жестокости. Только что-то тёплое и пугающее одновременно.

Он отпустил меня. Сел в кресло, откинувшись на спинку. Лицо было спокойным. На руках и рубашке кровь. Он долго смотрел на меня с таким трепетом, что мне хотелось закричать. Или заплакать.

Захид взял пульт. Коснулся кнопки. Комната наполнилась музыкой. Восточной, тягучей, томной. Она обволакивала меня, как шёлк, как его голос.

— А теперь, — сказал он тихо, — мой нежный цветок. Тебе придётся меня немного успокоить.

Он провёл рукой по воздуху. Плавно. Мягко.

— Танцуй, Роза. Танцуй для меня.

Посреди этой комнаты. Музыка текла сквозь меня, заполняла лёгкие, душу, мысли. Я закрыла глаза. И начала танцевать. Я не знала, как это делать. Но моё тело двигалось само. Медленно, неуверенно, дрожа. Руки поднимались вверх, бёдра покачивались.

Я танцевала, и слёзы текли по моим щекам. Чувствовала его взгляд. Он был везде. Он был во мне.

И я знала, что если я остановлюсь — я умру. А я хочу жить.

Анна Кениг «Маша»

Сырая земля пахла будущим снегом. Ноябрь выстудил избы до костяного скрипа. В этом холоде Машу обвенчали. Ей минуло семнадцать, и она ещё не знала, что судьба уже отметила её.

Высокий, ширококостный мужчина, чьё лицо время выдубило как пергамент, изрезанный морщинами древней, терпеливой жестокости. Еремей. Ему было за сорок, выглядел он хозяином всего, на что падал его взгляд. Когда этот взгляд упёрся в Машу, та ощутила, как подкашиваются колени.

Он присмотрел её ещё летом. Тонкую, с косой цвета спелой ржи. Проводил взглядом до калитки и двинулся к барину.

– Эту, – сказал он коротко. – С русой косой.

Отец Маши, узнав, лишь побелел лицом. Мать заголосила было, но осеклась и зашептала дочери:

– Не перечь. Он за тебя цену дал. Может, обойдётся.

Маша молчала. Помнила тот взгляд и понимала: не обойдётся.

Первая ночь стала посвящением в ад.

Она лежала, утопая в душном пуху перин, и молилась, чтобы муж оказался пьян и уснул. Но тот вошёл трезвый, загородил собой дверной проём. В свете лучины его лицо казалось маской из морёного дуба.

Еремей сел на край постели. Его рука легла ей на горло, но не сжала, а просто обозначила власть.

– Кричать будешь?

Она мотнула головой.

– Умница.

Он рванул ее рубаху.

Маша ахнула, прикрываясь, но муж перехватил запястья, завёл над головой. Огладил её тело хозяйски, как оглаживают купленную на ярмарке скотину.

– Хороша.

Он вошёл в неё сразу, без подготовки. Маша коротко закричала, но его ладонь легла ей на рот, запечатывая крик.

Он двигался тяжело, размеренно, глядя в глаза.

Маша плакала беззвучно.

– Привыкнешь, – сказал Еремей после. – Завтра чтоб встала до свету. Печь растопишь, тесто замесишь. Мать покажет.

Он ушёл, оставив её одну.

Утром она не смогла встать. Свекровь вошла, отдёрнула одеяло, увидела простыню и поджала губы.

– Ничего, – сказала она. – Вставай, кобыла. Он ждать не любит.

Маша встала, шатаясь. Каждое движение отдавалось болью.

Свекровь глянула с порога:

– Чего выешься? Мать твоя выла, бабка выла. Привыкли.

Это был закон – привыкать.

Муж бил её. Бил расчётливо, с выдумкой. Он умел причинять боль, не оставляя видимых следов.

В первый раз он избил её, когда пересолила похлёбку. Еремей отодвинул миску, встал и поманил пальцем.

Она пошла за ним во двор, дрожа на морозе в одной рубашке. Он развернул её лицом к поленнице и выпорол вожжами.

Маша кричала, срывая голос, вцепляясь пальцами в мёрзлые поленья. На шестом ударе замолчала, только вздрагивала всем телом. На десятом – потеряла сознание.

Очнулась на печи. Свекровь втирала ей в спину вонючую мазь.

– Сама виновата. Не перечь ему. Он отходчивый, но рука тяжёлая.

Спина горела, сидеть Маша не могла неделю. А когда смогла, сама подошла к нему, опустилась на колени и попросила прощения. За что, она не знала. Просто поняла: если не попросит, будет хуже.

Муж сжал её подбородок.

– Умнеешь. Хорошо.

И в эту ночь он снова взял её. Но после, когда она лежала, уткнувшись в подушку, вдруг провёл ладонью по израненной спине.

– Терпи. Ты крепкая. Я знал, кого брал.

Маша ощутила странную, тёмную благодарность. Он сломал её волю – но оставил жизнь.

И она начала привыкать – ловить моменты, когда его

взгляд мрачнел, предугадывать желания, как собака учится предугадывать пинки и подачки.

Страшнее побоев оказался голод. Машу выгоняли из-за стола. За то, что взяла лишнюю ложку щей, свекровь ударила её по пальцам.

— Молодухам добавки не положено. Сперва мужу, свёкру, мне. А тебе — что останется.

Маша стояла у печи, глотая слюну, пока домашние хлебали горячее. Перед глазами плыли круги. Иногда свекровь бросала ей корку, иногда — нет.

Через месяц Маша начала видеть еду во сне. Через два поняла, что готова на всё за пару ложек варева.

Однажды вечером, когда свекровь вновь выгнала невестку из-за стола, Еремей подвинул Маше свою миску.

— Ешь.

Свекровь ахнула. Сын глянул — старуха осеклась.

Маша ела жадно, чувствуя, как горячие щи обжигают горло. А когда подняла глаза, муж смотрел на неё с тем же выражением, что и в первую ночь.

Однажды ее избили за чужой взгляд. Молодой парень задержался у колодца, глядя, как Маша набирает воду. Она заметила, но не отвернулась.

Еремей заметил тоже. Вечером позвал в сарай, взял вожжи.

— За что? — спросила она.

— За то, что позволила смотреть. Ты моя.

Он бил долго, с расстановкой, и каждый удар сопровождал словом:

— Моя. Моя. Моя.

Потом уложил ее, полумертвую, на сено. Маша ждала, что он уйдёт, но муж навис над ней. Его глаза были тёмны, как омут.

– Запомнила?

И поцеловал. Грубый, властный, с привкусом крови – первый настоящий поцелуй за всё время.

Избитая до полусмерти она вдруг ответила. Не из любви, а из животного инстинкта, требовавшего покориться сильно-му. Тело выгнулось мужу навстречу, он усмехнулся:

– Вот так. Ты моя. До конца.

С того дня Маши больше не было.

Была Марья.

В конце февраля Еремей засобирался в город. Марья подавала тулуп и поняла: не хочет, чтобы муж уезжал. Теперь, когда «опасность» покидала, она чувствовала себя... голой.

Еремей заметил её взгляд, взял за затылок, притянул.

– Жди. Вернусь – проверю.

– Что?

– Не смотрела ли на кого. Узнаю – убью.

Марья знала: не шутит. От этой мысли стало спокойно.

Он ушёл.

А потом началась метель.

Марья стояла у окна и смотрела, как снежная мгла пожирает дорогу, потом вышла во двор и долго вглядывалась в белесую круговерть.

Мелькнула мысль:

«Хоть бы заплутал. Замёрз в поле. Не вернулся».

Она зажала рот ладонью. Мысль была грешной, но такой сладкой. Свобода. Никто не ударит. Не возьмёт силой.

Она представила. Изба без его сапог у порога. Постель без его запаха. Жизнь без страха.

И вдруг поняла: свобода страшнее. Свобода в их деревне — это когда ты ничья. Марья уже разучилась быть ничьей. Она его до последней капли крови. Он сломал её, создал заново, и теперь потерять его значило потерять единственную Марью, которая осталась.

Она стояла во дворе и выла, как волчица, потерявшая вожака.

Вернись!

Вернись, тварь, мучитель, хозяин!

Без тебя ничего нет. Только снег и пустота...

Под утро дверь распахнулась.

Еремей ввалился в избу обледенелый и страшный. Рухнул у порога, хрипя. Марья бросилась к нему с воплем, в котором смешались ужас и животная радость. Жив! Вернулся! Её мучитель. Её владелец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.